

P2
M36

Валентин
Махалов



МАХАЛОВ — МАХАЛОВ

P2
M36

Валентин
Махалов



09
+ **ДИКАЯ ЯБЛОНЯ**

66291 -

Кемеровское
книжное
издательство
1973



СТИХИ.
ПОЭМА

Махалов В. В.

М 36 Дикая яблоня. Сборник стихов. Оформление
Г. Ефремова. Кемерово, Кемеровское книжное из-
дательство, 1973.

112 стр. 10000 экз. Цена 38 коп.

В. Махалов — автор нескольких поэтических сборников, изданных в Кемерове. Основу книги «Дикая яблоня» составили новые стихи и поэма «Мне снится небо». В последние годы В. Махалов много переводит с других языков. В книгу вошли также переводы с шорского, немецкого и венгерского.

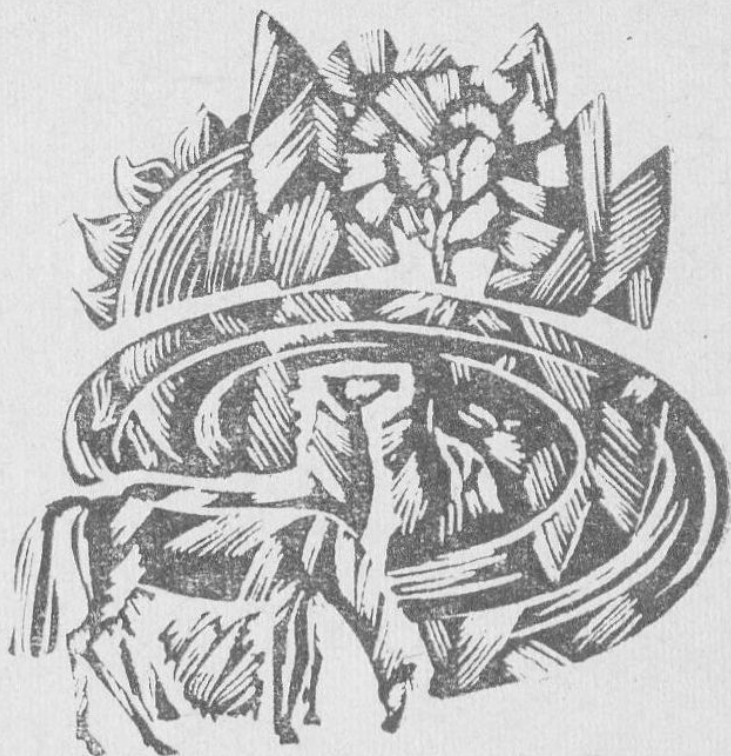
0742 09

145—73

28—73

P2

УТРЕННИЕ ПОЛЯНЫ



ЗЕМЛЯНИКА

Краснолика, ростом невелика,
В тех местах, где солнышко печет,
Ягода лесная земляника
В травушке-муравушке растет.

Убегу я в детство спозаранок,
Прихватив плетеный туесок.
На одной из утренних полянок
Я найду багряный островок.

Золотыми капельками солнца,
Источая тонкий аромат,

В гулкое берестяное донце
Ягоды-наливы застучат.

Будут птицы обо мне судачить
На верхушках шелковых берез:
— Городской, мол, житель, не иначе —
Ишь, как жадно ягоду берет.

Что ответить вам на это, птицы,
Птахи перелетные мои...
Разум с вами тихо согласится,
А душа обиду затаит.

Неужели, птицы, неужели
Я чужой родимой стороне?
Или вы признать не захотели
Давнего знакомого во мне?

Я — парнишка, без вести пропавший,
А теперь вернувшийся домой.
Только стал я чуточку постарше,
Строже взглядом, сдержанней душой.

Помоги мне, сторона родная,
Здесьним мне остаться повели.
Земляника, ягода лесная,
Жаркая кровиночка земли.

* * *

На поляне, руки вразброс,
Я лежу, осиянный зноем.
Шмель, как маленький бомбовоз,
Тяжело гудит надо мною.
Шебаршат в траве муравьи —
Работающий чудной народец,
Словно родственники мои,
Заколдованные природой.
В этом мире чужих забот,
Измеряемых трудной мерой,
В сердце медленно прорастет
Чувство гулкое Гулливера,
Беззаботность мою круша,
Перепутает быль и небыль.
Я уйду домой не спеша,
Головой задевая небо.

ГАЛЧОНОК

Галчонок выпал из гнезда —
Крыло несмелое сломалось,
И одинокая звезда
В его глазах всю ночь качалась.
А днем — в зеленой тишине
Лежал он, мир запоминая,
И ястреб плавал в вышине,
Круги смертельные сужая.

Еще один, еще один...
Стервятник предвкушает тризну.
Но ты, галчонок, погоди,
Повремени прощаться с жизнью.
Ведь этот мир тебя растил,
В полет готовя величавый.
Ты это чувство не постиг,
А значит — умирать не в праве.
Я на руки тебя возьму —
Лесную маленькую песню.
В моем бревенчатом дому
Тебе всегда найдется место.

Все заживет, переболит.
Минуют дни, минуют ночи,

И оторваться от земли
Галчонок трепетно захочет.
Он смело крыльями взмахнет
И тихо вскрикнет на прощанье.
И будет долгим тот полет,
И будет грустным расставанье.

* * *

Тучи свет заволокли —
Значит, солнышка не жди.
По земле засеменяли
Босоногие дожди.
Весь промокший, неуклюжий,
Я по улицам брожу
И веснушчатые лужи
Потихоньку обхожу.
Под зонтом прошел знакомый,
Защищенный им вполне.
— Вам бы надо ближе к дому, —
Посоветовал он мне.
Я тотчас же внял совету
И направился домой.
Я иду по белу свету,
И дожди идут за мной.
Никуда от них не деться,
Не укрыться, не уйти.
Будто в детстве, в милом детстве,
Мне с дождями по пути.
А в душе на самом доньшке
Спит печаль моя о солнышке.

* * *

Там, где ели и сосны шумели, —
Невеселые остовы пней.
Поредели леса, поредели
На родимой моей стороне.
И опушка теперь не заманит,
Обдавая росую с куста,
Побродить золотой глухоманью
По грибным заповедным местам,
Птичьи хоры на зорьке послушать,
К землянике явить интерес.
Сколько раз ты лечил мою душу!
Сколько раз ты спасал меня, лес!
Я от памяти скрыться не в силах:
Наяву и в забывчивых снах
Будут лязгать моторные пилы
И предсмертно деревья стонать.
Будут рушиться птичьи гнездовья,
Будут гневно стоять облака,
И прольется малиновой кровью
На погибшие сосны закат.
Нет, не все в этом мире прогресса
Сердцу я объясню своему...
Я с надеждой гляжу на подлесок
И пророчу бессмертье ему.

ДИКАЯ ЯБЛОНЯ

Незаметная, тихая, зяблая,
На угорье у Люнды-реки
Закудрявилась дикая яблоня
Холодам и ветрам вопреки.

Далеко ей до яблонь породистых,
Что собой украшают сады.
Хоть на них и похожая вроде бы,
Но помельче, погорше плоды.

Может, просто не выпало случая,
Не настал еще час золотой,
Чтоб проснулось в ней самое лучшее
От заботы и ласки людской.

Чем она и богата и счастлива
И какие в ней силы бурлят,
Понимают лишь солнышко красное
Да родимая мать-земля.

А она, их дитя незаметное,
Одинокое здесь на версту,
Даже самую малою веткою
Отвечает на их доброту.

ОНЕГА

Чайки хлопьями снега
Густо падают с неба.
Нашу качает лодку,
Как колыбель, Онега.

В лодке рыбак бывалый —
Тихон Палыч Егоршин.
Лет ему сто, пожалуй,
Или намного больше.
Вздрагивает кижанка —
Лодка работы спорой.
Сухо скрипит кожанка
На крепких плечах помора.
Руки, знавшие весла,
Теперь привыкли к мотору.
Слился с берегом остров,
Жили мы на котором.
Дом карельского лада —
Хмурый, широкоспинный.
Старенькая ограда
С зарослями малины.
В этом доме гостили
Мы, почитай, неделю.
Вдоволь ели и пили,
Спорили и шумели.

Помор улыбался в бороду
И звал нас всех к самовару:
— Веселые люди в городе,
Как на большом базаре.
А мы — в какие-то веки —
Обласканные судьбою,
В гостях у древней Онеги
Были самими собою.
Спасибо, старик Егоршин,
За это чувство святое,
За то, что мне вдвое горше
Прощанье с этой землею,
Она простотой красива
Нынешней и вчерашней.
Это — сама Россия
С ее душой нараспашку.
Чайки падают с неба,
Весело кувыркаясь.
Я прощаюсь с Онегой,
Будто с собой прощаюсь.

* * *

Голубые ставенки.
Улица светла.
Журавель, оставленный
Посреди села.

Старый сруб колодезный
Мохом пооброс.
Голова журавушки
Достает до звезд.

Здесь соединяются
Небо и земля.
Место называется
Родина моя.

Здесь земля и солнышко
В дружбе вековой.
Здесь сидит Алenuшка
Над речной водой.

Тихо бродит около
Росною травой
Сказка синеокая
Детства моего.

Голубые ставенки
Добрый мир хранят.
Все, что здесь оставлено, —
В сердце у меня.

Ничего не надо мне.
Нету мне родней
Горестей и радостей
Родины моей.

ВТОРОЕ СВИДАНЬЕ

В цветастом застенчивом платье,
Как зорька, ясна и светла,
Из юности девочка Катя
Ко мне на свиданье пришла.
Оглохнув от радости встречи,
Забыв про людскую молву,
Мы шли с ней в обнимку до речки,
Легко приминая траву.
И взглядами нас провожали,
Завидуя мне горячо,
Мальчишки, которым, пожалуй,
Любовь и не снилась еще.
Потом они к речке спешили,
Одежду содрав на бегу.
Озябнув, костер разводили
На нашем крутом берегу.
Каленым цыганским загаром
Цвели их нагие тела.
Мы с Катей стояли у яра,
Где старая ива росла.
О чем говорили мы с нею
Под сенью плакучих ветвей...
Я звал ее милой моею
И первой любовью моею.

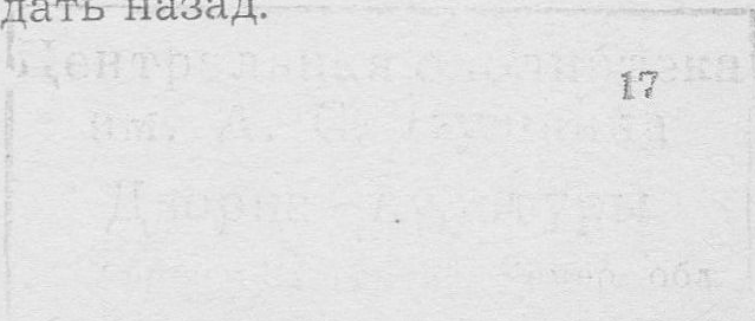
Казалось, нас в эти минуты
Кружили иные миры...
И было нам сладко и жутко
От их сумасшедшей игры.
И в этом бреде я слышал
Над речкою чистый напев.
Звучал он то глуше и тише,
То громче звучал, осмелев.
Он мне завораживал душу
Печалью своей вековой.
Я жадно и трепетно слушал,
Как плыл он над сонной рекой.
Какою ценою мы платим
За первое чувство свое?..
Взглянул я на девочку Катю
И вдруг не увидел ее.
Растаяло все, отлетело,
То было — то нет ничего:
Не пылкая юность, а зрелость
Стоит у плеча моего.
А там, за чертой крутояра,
Пластая над гладью тела,
Какая-то юная пара
К песчаной косе подплыла.
Потом из реки они вышли,
В песке оставляя следы.
И был на меня тот парнишка
Похож, как две капли воды.

* * *

66291 —
Рассвет за окнами в полнеба,
Рябины тонкая резьба.
Дыханьем утреннего хлеба
Полна просторная изба.
Здесь в рамках карточки на стенах.
И с них, достоинство храня,
Глядит сурово и степенно
Моя крестьянская родня.
И на крутых ее коленях,
Во всем похожее на них,
Сидит надежно поколенье
Розовощекой ребятни.

Во всем похожее?
Едва ли!
Получше в карточки всмотрись
Тех молодых, что променяли
Село на городскую жизнь.

У них иные стать и поза,
С хитринкой легкою глаза.
Таких правление колхоза
Давно устало ждать назад.



Я понимаю, что не вправе
Их укорять и осуждать:
Я тоже этот дом оставил,
Чтоб гостем приезжать сюда,
Искать отрады и покоя,
Дышать просторами полей,
Стыдливо говорить с землею
О долгой памяти своей.
В любви ей вечной признаваться,
Переступив родной порог,
Чтобы потом опять расстаться
На безнадежно долгий срок...

Смотрю с тревогой и печалью
В окно на желтые поля.
О, если б все мы понимали,
Что думает о нас земля!

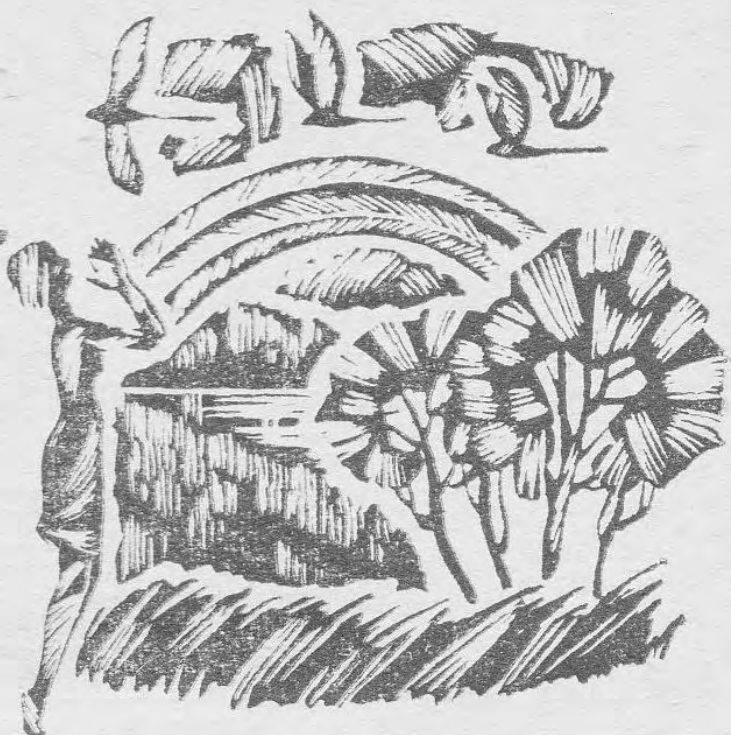
* * *

Я тогда объезжал лошадей
И гордился работой хорошей.
Начисляли мне пять трудодней
За одну усмиренную лошадь.
Я скакал на веселом коне,
Никакого не ведая страха.
Пузырем надувалась на мне
От горячего ветра рубаха.
На прогретой июлем земле
Молодые хлеба дозревали
Да метелки седых ковылей
На меже мне приветно кивали.
А под вечер в грязи и пыли
На коне запотевшем, покорном,
Чтобы все меня видеть могли,
Я шажком проезжал у конторы.
Словно маршал сидел я в седле,
Убывающим высвечен светом...
Мне одиннадцать минуло лет
В то военное горькое лето.
Я в нелегком крестьянском труде
Вырастал на картошке и квасе...
Я тогда объезжал лошадей.
И не думал совсем о Пегасе.

* * *

Состарюсь, но не повзрослею.
Не дописав последний стих,
Уйду в осеннюю аллею
Надежд несбывшихся своих.
И буду долго-долго слушать
В настороженной тишине
Свою мальчишескую душу,
Еще звенящую во мне.
И вдруг в каком-то озаренье
Последним напряженьем сил
Пойму, что жизнь — одно мгновенье,
Которым я не дорожил.

**ВОЗВРАЩАЮСЬ
К ТЕБЕ**



ПЕРЕД ДОРОГОЙ

В твоих ладонях солнца много.
В них божий дар — солнцеворот.
Я их коснусь перед дорогой,
и солнце в кровь мою войдет.
Войдет разлиvisto и жарко,
ударит в бубен золотой.
И мне до боли будет жалко,
что я не твой, совсем не твой.
Что кто-то есть роднее, ближе —
хозяин дум твоих и снов.
Не понимаю, как он выжил?
Как в нем не выкипела кровь?

* * *

То ли торная дорога,
То ли вязкие снега,
То ли прямо в гости к богу,
То ли к черту на рога.
Сквозь бессонницу и замять,
Недоверие храня,
Очень ясными глазами
Ты посмотришь на меня.
Расплелась коса тугая,
Льется тихий свет лица —
То ли самая родная,
То ль чужая до конца?
Ничего-то не замечу,
Не увижу сгоряча.
Лишь метнутся мне навстречу
Руки, словно два луча.

* * *

По яру, по самому краю,
Идешь ты, платок теребя.
А что, если я потеряю
Когда-нибудь в мире тебя?
В глазах полыхает раскосых
Таинственный вызов беде...
И медленно катится осыпь
К осенней свинцовой воде.

СЕДЬМОЙ ПЕРЕВАЛ

Шел я конно и пеше
От костра до костра.
Шел оборванным лещим
По тайге и горам.

Бороды рыжий клубень.
Лета терпкий настой.
Опаленные губы.
Да ружье за спиной.

Стрекотанье кедровок.
Рев марала в горах —
Застоявшейся крови
Молодая игра.

На привалах угрюмых
У седого огня
О романтике думы
Миновали меня.

Только неба окосок
Я запомнить успел
Да созревшие росы
На звериной тропе.

И еще: на мгновенье
Ты светло и остро
Возникала виденьем
У полночных костров.

Я словами глухими
Звал тебя по ночам.
Я давал твое имя
Родниковым ручьям.

Я губами сухими
Прикасался к воде.
Я давал твое имя
Самой яркой звезде.

Может, я бы не вышел
Из тайги, из беды.
Может, я бы не выжил ---
Затерялись следы.

Мне одно помогало,
Что за сотнею бед,
За седьмым перевалом
Есть дорога к тебе.

* * *

Выпрашивая,
вымаливая
любви золотое солнышко,
губами вечерними,
пальевыми
ты тянешь вино
до доньшка.
Красивая,
непричесанная,
глаза кержацкие,
дымные,
ты чувства разноголосые
своим называешь именем.
Тебе бы немножко гордости
в скупые цвета окрашенной —
твоя бы не стала молодость
чужую любовь выпрашивать.
А встала б
прямая,
резкая —
бокалы с вином качнулись бы.
И гордой прошла невестою
по тихим туманным улицам.

А ты —
молодая,
сломленная,
усталая,
недоверчивая.
Бросают тебя, как соломинку,
волны тревожного вечера.
К тому ли выбросят берегу,
к другому ли —
как узнать?
К жизни когда доверие
Успела ты потерять?
Я тоже вовсе не трезвенник.
Но это здесь ни при чем.
Прости, что не очень вежливо
Беру тебя за плечо.
От взглядов
мутных,
прилипчивых
на волю тебя веду.
Тяжелое безразличие
ты стряхиваешь на ходу.
И щеки твои горячие
целует вечерний снег...
Идет шагами незрячими
женщина,
человек.

* * *

Я в главном тебе не солгу никогда.
И если такое случится,
Что в сердце твое постучится беда —
Она и в мое постучится.
Есть в этом своя непреложная суть,
В которой и горе и песня.
Я бедное сердце держу на весу.
Как тяжек закон равновесья!

* * *

Ты покличь — я отвечу.
Помани — подойду.
Я на каждую встречу,
Как на праздник, иду.
Ты во мне еще прежней,
Еще нежной жива.
Только встречи все реже,
Все туманней слова.
Как меня ты любила
В золотые года!
Как давно это было —
Не припомню когда.

СЕВЕРНАЯ ПЕСНЯ

Когда надо мною ветра загудели
И вьюги сомкнули кольцо,
Мне снова привиделось в белой метели
Твое молодое лицо.
Оно возникало из снега и ветра
Виденьем в забывчивом сне.
Тогда я впервые подумал, наверно,
О нашей вчерашней весне.
Кружился снежок лепестками черемух,
Звенели полозья саней.
И не было в мире светлей и огромней
Минутной печали моей.
На север упряжки оленьи летели
Дорогой полярных песцов.
И тихо растаяло в белой метели
Твое молодое лицо.

НА РАЗЪЕЗДЕ

На разъезде Глухая Гора
У девчонок сегодня суббота.
Позабыты дневные заботы.
Собираться на танцы пора.
И куда они только спешат!
Выбивая веселые строчки,
По скрипучим дощатым мосточкам
Их модельные туфли стучат.
У Петровой Иринки опять
На сегодня назначены сборы.
И глядит на девчонок с укором
Тетя Стеша — Иринкина мать:
«Ну и девоньки ноне пошли.
Почему не сидится им дома?»
Пахнет ветер настоем черемух
И вечерней прохладой земли.
Тетя Стеша, пойми их, прости,
Не суди о них строго и грубо.
От разъезда до ближнего клуба
Сорок пять километров пути...
...Прогремит за окном товарняк,
Не сбавляя привычного хода,
Или поезд, набитый народом,
Пронесется, весельем дразня,—

И девчонки метнутся к порогу,
Хоть и знают, что, как ни спеши,
Не подвластно законам души
Расписание железной дороги.
Только затемно свой паренек —
Бедалага, пропахший бензином, —
Их примчит на веселой дрезине
В станционный ночной городок...
Полночь в клубе погасит огни.
Стихнут медные трубы оркестра.
Одному только богу известно,
Как домой доберутся они.
Ах, как ночи июня темны —
Остановку свою не проспять бы...
Снятся девочкам сладкие сны:
Женихи и счастливые свадьбы.

РЯБИНА

Опять подули ветры севера
И время хладное пришло,
И над озябшими деревьями
Нависли тучи тяжело.

Еще листвой не запорошены
Тропинки в парках и садах.
Еще в ручьях не заморожена
Отяжелевшая вода.

Во всем замедленность движения —
Примета сумрачной поры.
Но словно знак опровержения,
Рябины жаркие костры.

Она под окнами разбросила
Кистей густеющую кровь.
К ней красота приходит осенью,
Как к людям поздняя любовь.

* * *

Я по тоненькому льду
Как на крылышках иду.
Лед пружинит под ногой,
Выгибается дугой.

Люди ахают:
— За свое ребячество
Он еще поплатится,
Он еще наплачется...

Только ты зовешь меня,
Взглядом радостным маня,
На том берегу.
И я бегу —
Тут до страха ли?..

А сейчас тонок лед
И никто не зовет,
И тяжел мой шаг —
Я иду не спеша
У людей на виду
По тонкому льду...

ДЕВУШКА
ПОД ДОЖДЕМ

Шел дождик,
То чаще, то реже
По лужам капелью стуча,
И мокрая липла одежда
К твоим беззащитным плечам.
Был дождик ваятелем смелым.
Любуюсь работой его:
Он вылепил юное тело,
Означив его естество.

* * *

Нет, нет! Я тебя не обижу,
А тихо к тебе подойду
И солнцем закатным и рыжим
В ладони твои упаду.
И тонкие пальцы согрею
Теплом уходящего дня.
Я горько потом пожалею,
Что ты не узнаешь меня.
И слово обычное «здравствуй»,
Неслышно слетевшее с губ,
Неярко блеснет и погаснет
На дальнем твоём берегу.
Ты вздрогнешь устало плечами,
В ответ не сказав ничего.
Лишь тени забытой печали
Коснутся лица твоего.
Я долго любить тебя буду,
Как воздух,
Как солнечный свет,
Как самое первое чудо,
Которому имени нет.

* * *

Есть в наших отношениях черта,
Которой мы переступить не в силах.
Твоей души большая красота
Меня давно к тебе приговорила.
Я знаю, дружбе нашей нет конца.
И все-таки во мне живет сомненье:
А вдруг у нас когда-нибудь сердца
Не выдержат такого напряженья?

* * *

Я хотел бы учиться любви у слепых,
Что не видели мир от рожденья.
Я хотел бы занять хоть немного у них
Удивительной жажды прозренья.

Смог бы я, как они, дотянуться к тебе
Через тьму, через горе губами, руками?..
На всю жизнь благодарным останусь судьбе
За одно, что тебя обнимаю глазами.

**ПОСТУЖСЬ
В МОЁ СЕРДЦЕ,
ТРЕВОГА**



БЕТХОВЕН

Свет обрекал его на муки,
Чтоб сделать гения глухим,
А самому слышать звуки,
Уже не слышимые им.
Все стерто временем суровым:
Вельможный блеск смешался в прах,
Звучит набат души глухого
У человечества в ушах.
Забыты лица знатной крови,
Короны все сданы в музей.
И только царствует Бетховен
На крыльях музыки своей.

ГОНЧАРНЫЙ КРУГ

Завидую искусству гончара,
Его рукам, порывистым и грубым.
Да здравствует веселая игра
Гончарного танцующего круга.
Я верю, в чуде превращения — жизнь.
Я верю, все мы — на гончарном круге.
Вершит земля крутые виражи,
И нас формируют опытные руки,
Натруженные руки гончара —
Их мастерство отточено веками.
И я комочком глины был вчера
Под этими тяжелыми руками.
Мне отдал все, что мог,
Гончарный круг:
Пытливый ум
И жадную влюбленность...
Горячим лбом твоих касаюсь рук
И чувствую свою незавершенность.

* * *

Мне совсем немного надо.
Злу земному вопреки —
Только б выбить чашу яда
У Сальери из руки.
Или выпить чашу яда
У Сальери из руки.

Но, чтоб выпить чашу яда
У Сальери из руки
Мне, я знаю, много надо...

* * *

Добро и зло смешая, выпью.
И станет горько и темно.
И боль моя слепую выпью
Тревожно стукнется в окно.
О, боль моя, ночная птица,
Как тяжелы твои крыла...
Чредой встают чужие лица
В провалах битого стекла.

Зачем они? И что им надо?
Шагну на волю, как во сне.
И августовским звездопадом
Рванется ночь навстречу мне.
В глазах, как в окнах, просветлеет.
Услышу сердца шумный гул,
Пойму, что я переболею
И выживу.
И все смогу.

ШАРИКОВОЕ ПЕРО

Бери гусиное перо.
Оно изящно — нету спору.
И как подделано хитро
Оно под пушкинскую пору.
Садись и, богу помолясь,
Пиши трагедии и оды
И ощути над рифмой власть
И слога дивную свободу.

Будь гением хоть на мгновенье,
Навей себе благие сны.
И с молчаливым осужденьем
Пусть смотрит Пушкин со стены.

ГОЛУБИ

Наклоня точеные головы,
Вперевалочку, чуть семеня,
Под окошками топчутся голуби,
Не пугаясь ни капли меня.

Красным оком голубка косится
На седого, как дым, сизаря.
Несмышленьши, милые птицы!
О любви меж собой говорят.

Что они наворкуют друг другу,
Я не все, вероятно, пойму.
Ходят голуби, словно по кругу,
Приближаясь к окну моему.

В этом трепетном птичьем доверье
Мне хорошие дали видны:
Все мы — птицы и люди, и звери
Доверяться друг другу должны.

Хорошо, что в часы невеселые,
Набок головы чуть наклоня,
Под окошками топчутся голуби,
Не пугаясь ни капли меня.

* * *

Да, час пробьет.
Придут сомненья,
Тебя к пристрастному суду
По ниспадающим ступеням
В пещеры тайные сведут.
Ночей и дней листая главы,
Судьбы раскрутят колесо,
Положат зависть и тщеславье
На чашу медную весов.
Добавят ревность, жажду мести
И зло, что в мире натворил.
Не хватит гирь уравновесить
Все прегрешения твои.
И судьям сдашься ты на милость,
Заступы не прося уже,
Когда увидишь, что копилось
В твоей полуночной душе.
И свет метаться будет зыбко,
Ударит в сердце боль остро.
Здесь все припомнятся ошибки
И все забудется добро.
И странным будет ощущение,
Что ты, пройдя огонь и дым,
Суровый суд и очищенье,
На волю вырвался живым.

* * *

Ах, какие нынче скорости!
Ощущения остры.
С затаенной в сердце гордостью
Мы летим в тартарары.
Все цвета в один сливаются
Непроглядно плотный цвет.
Все мешается, смещается
И в глазах, и в голове.
Перечеркнуты мельканием,
Отлетели в забытьё,
Может, шаль с каймою мамина,
Может быть, лицо твое.
Ах, какие нынче скорости!
Сквозь вагонное окно
Я гляжу, а сердце горести
Неосознанной полно.

* * *

Я не из самых молчаливых,
А вот молчание люблю.
Его приливы и отливы
Губами жадными ловлю.
Оно — сплетенье первых истин.
В глаза природы посмотри:
Молчанье падающих листьев
О многом миру говорит.
Молчанье скал, молчанье моря,
Молчанье неба и земли —
Все радости его и боли
В нас отражение нашли.
И если чашу переполнит
Оно в усердии своем,
На молчаливый выплеск молний
Ответит поздним эхом гром.

* * *

В березовой прозрачной роще,
Там, где с ветвей свисает снег,
Певучих лыж веселый росчерк
Бежит по блестящей белизне.
Через минуту друг за другом,
Влекомы жребия судьбой,
Со старта лыжники упруго
Срываются в спортивный бой.
Смотрю, не замечаю вроде
Борьбы.
Спокойствие храню.
Вот сильный слабого обходит
С коротким выкриком: —
— Лыжню!
И снова — жаркая погоня,
Победы близкой торжество...
Я — наблюдатель,
Посторонний,
Болельщик — только и всего.
Но я — на лыжах!
Я — в сраженьи!
Под ветром голову клоню.
В рывке, в последнем напряженьи
Шепчу короткое:
— Лыжню!

* * *

О, провинция,
Кромешная
Таежная земля,
На твоей крови замешена
Поэзия моя.
Над твоей белесой рощицей,
Над качаньем ковылей
Утонули в небе росчерки
Припоздавших журавлей.
Нешумливая, дремучая,
В тишине твоей глуши
Спит до радостного случая
Сотрясение души.
В этот час моя провинция
Встанет,
Плечи распрямит,
Не стыдясь перед столицами,
Перед добрыми людьми.
Ручейки сольются в реченьку.
Вспыхнет полымем заря...
Будет все по-человечески,
Как в народе говорят.

* * *

Мне больно бывает и грустно
Осенней прощальной порой
Смотреть, как домашние гуси
Летят тяжело над землёй.
Как тщетны, горьки их усилья
Подняться, растаять вдали,
И как ненадежны их крылья,
Подвластные тяге земли.
Куда им, домашним, куда им,
Хотя в них инстинкт не затих,
Угнаться за быстрой стаей
Сородичей вольных своих.
Как страшно, наверно, родиться
И сердцем себя осознать
Крылатою, сильною птицей,
А воли и неба не знать.

* * *

Стихи. Они — как облака.
Тебе ниспосланы судьбою,
Они грядут издалека
И белый свет затмят собою.

И станут ночи коротки,
И станет жарким изголовье.
И капилляры у строки
Наполнятся твоею кровью.
И если молния сверкнет,
Покатит гром свои камни,
То это руку подает
Тебе на дружбу вдохновенье...

Уходят, тая, облака,
Все отдаленней рокот грома.
И лишь усталая рука
Рисует молнии изломы.

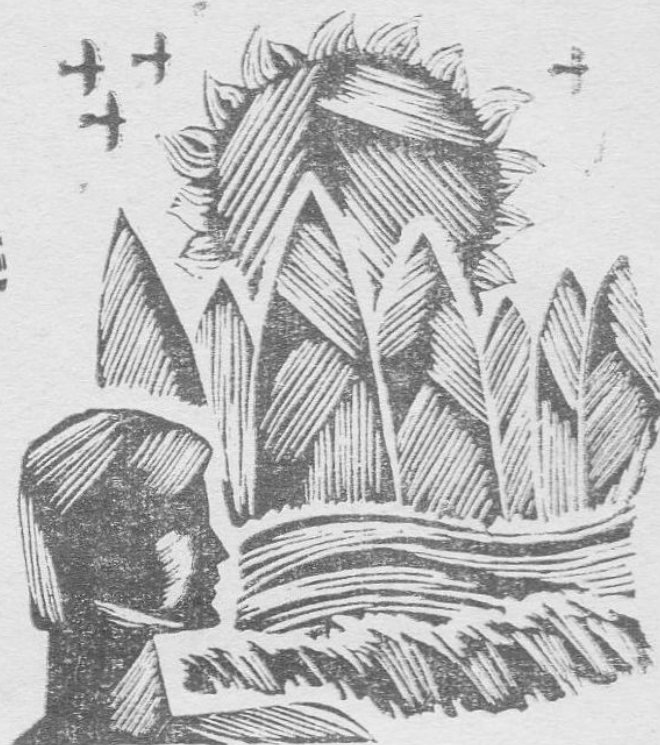
* * *

По-детски радуюсь обновам
В моем налаженном быту
И принимаю за основу
Домашних будней пестроту.
Живу, обид не замечая,
Чужой тревогам и борьбе.
И счастье в этом ощущаю
На удивление себе.
Пью сок фруктовый. Ем обильно,
Души спокойствие храня.
Пока не выбросит будильник
Из колыбели снов меня.

* * *

На судьбу не жалуясь,
Бога не виню,
Голову усталую
На траву клоню.
Пусть бывало разное:
Жил — не унывал.
К праздникам опаздывал,
К горю поспевал.
Выпестован, вынянчен
Росною землей,
Все болезни вылечил
Ключевой водой.
Воздухом березовым
Я дышал всегда.
Сердце посерьезнело
К тридцати годам.
Только мне по-прежнему
Грезится весна.
Юными надеждами
Грудь моя полна.
Я расту, как деревце
На крутом ветру.
И совсем не верится
В то, что я умру.

ЗЕЛЁНОЕ ЭХО



* * *

Утром было холодно.
А сейчас — жара.
Забугрила волны
Речка Хамсара.

Волны с позолотой,
У реки в плену,
Ловит кормчий в лодке
Главную волну.

Через рёв и скрежет
Валунов на дне

Мы летим на стрежень
По крутой волне.

В страхе и восторге
Ахает душа.
До чего же здорово
Речка хороша!

Порогам навстречу —
Главная струя.
Несет меня речка —
Жизнь моя.

ТАЙГА

Здесь вот лоси накопили,
Здесь медведь угорьем шел.
Ну, давай, тайга, испытывай,
Проверяй меня еще.

На сноровку и доверчивость,
На спокойствие и страх.
Проверяй с утра до вечера,
От заката до утра.
Проверяй меня без жалости —
Я в твоих руках теперь.
И еще меня, пожалуйста,
Одиночеством проверь.

Если я и это выдюжу,
Выпив горя через край,
Осуди меня за выдержку
И своим не признавай.

ЖАРА

Лезет солнышко в зенит
Лесенкой не шаткою.
От жары трава звенит
Золотыми прядками.

Верещит в траве кузнечик,
Переполнен чувствами,
Я ему по-человечьи
Всячески сочувствую.

Чтоб в жару такую жить
И работать с песнями,
Надо здорово любить
Все-таки профессию.

* * *

В пригоршни воды студеной
Зачерпну и выпью вволю.
Покачнётся мир зелёный
После этого застолья.
Распрямятся с хрустом плечи,
И поверится в удачу.
А душа, как эта речка —
Вся до доньшка прозрачна.

* * *

В глаза природы погляжу —
В них все доверчиво и ясно.
И потому я не напрасно
О людях по глазам сужу.
И в тот необходимый час,
Когда ищу единоверцев,
Не забываю, что от глаз
Идет дорога прямо к сердцу.

НОЧЬ НА БЕЛЬСУ

Опрокинув прогнозы и правила,
Дождик шпарит вовсю.
Будто небо совсем продырявилось
Над долиной Бельсу.
И с какою-то горькой обидою,
От дождя и злости устав,
Мой товарищ «гнилой Колхидою»
Называет эти места.
Приседает к земле от ярости
На кедровых лапах костер...
Пусть за эти слова, пожалуйста,
Извинят нас жители гор.
Мы, продрогшие и усталые,
Тянем руки к огню костра.
И поверьями дышит старыми
Рядом с нами Сапун-гора.
Мы вчера еще долго спорили
О загадках этой земли,
А сейчас — все легенды Шории
В изголовье наше легли.
Кедр над речкою будто каменный,
Тянет свежестью сонной с гор...
И горит загадочным пламенем
Под дождем таежный костер.

ЯЯ

Наверное, в злобе утрюмой
В последний спасительный миг
Название это придумал
Осторожный российский мужик.
Стоял он, себя возвышая
Над всей глухоманью окрест,
В руке узловатой сжимая
Нательный предательский крест.
По царской и божеской воле
Заброшенный в эти края,
Он выплюнул с кровью и болью
Двукратное гордое Я.
Я — жив!
Я — бессмертен!
Послушай
Мой голос, могила моя...

Катилось в звериные уши
Тяжелое гулкое «Я-а-а»,
Мой прадед, поволжский крестьянин,
Бунтарскую кровь разгоня,
Кричи. Через все расстоянья
Пробьется твой крик до меня.

Его я сегодня услышу
Сквозь праздничный песенный
гул,

Сквозь всполохи смеха
мальчишек

На яйском крутом берегу.
Кто скажет ребятам веселым,
Что значишь ты в нашей судьбе?..
Стоит над рекою поселок
Как памятник вечный тебе.

РАТНАЯ ТРОПА

Сквозь глухую чапыгу
И тощий осинник
Мимо Нижнего
Грозной волной
Прокатились полки
Самодержца России
На Казанскую землю
Войной.
Шли в посконных рубахах
Мужичье и холопы
Молчаливой сутулой
Суровой толпой.
И звериные хитрые
Узкие тропы
Становились единою
Ратной тропой.
По ночам на дыбы
Поднимались кострища.
Ухал филин
В болотной осторожной дали.
Занималась заря,
И за тыщею тыща,
Приминая траву,
Шла по лону земли.

С тех времен
Миновали седые столетья.
Много троп и дорожек
Быльем поросло.
Но осталась тропа,
Глубока и заметна,
По которой державное
Войско прошло.
Я, далекий потомок
Мужицкого рода,
До конца понимаю,
Что вовсе не зря
В трудный час
Под тяжелой стопною народа
На века прогибается
Наша земля.

ГОРЮЧИЙ КАМЕНЬ

*Михайле Волкову,
первооткрывателю
кузнецких углей*

Сожми в руке горючий камень,
Да так, чтоб в кровь твою вошло
Закрепощённое веками
Далеких пращуров тепло.
Проникнись их наивной верой,
Шагни неслышно в темный век
И уясни, что думал первый
Огонь добывший человек,
Пока еще не ставший тленом,
Свиреп глазами, ликом сер,
Еще не вышедший из плена
Угрюмых каменных пещер.
Присядь с ним на косматых шкурах
У полуночного костра
И слушай медленно и мудро
Его рассказы до утра.
Пускай слепые пляшут тени
И забивает горло дым —
Ты преклони свои колени
Пред диким пращуром своим.
За то тепло, что ночью тою
Тебя согреет до утра,

За все земное и святое,
За тайну первого костра.
В свой век вернись перед рассветом
Землепроходцем с посошком.
И миру расскажи об этом
Виденье гаснущем своем.
И как итог своих исканий,
Подарок мысли и души —
Кузнецких мест горючий камень
На стол народу положи.

* * *

По лукавой тропинке
В снеговую кугу
Уезжают тувинки
На оленях в тайгу.

Приторочены торбы
К оленьим бокам.
А дорога до стойбищ
Далека-далека.

То горами, то логом,
То вязка, то тверда,
Приведет их дорога
К оленьим стадам.

И тувинкам ударит
В ноздри дым от костров.
Им скуластые парни
Улыбнутся светло.

И любимых встречая
На излуке реки,
В чашки желтого чая
Им нальют мужики.

По старинным законам,
Трудный путь завершив,
Выпьют верные жёны
Для сугрева души.

Ну, а позже, под вечер,
Будет маленький пир.
И напиток покрепче
Разольет бригадир.

Дорогие гостинцы
Жёны выложат: — На!
Захмелеют тувинцы
От любви и вина.

А рассветы над тундрой
Холодным-холодны.
Будет долгим и трудным
Ожиданье весны.

Злого, горького дыма
Наглотается тьма.
Только будет с любимым
Чуть короче зима.

Потому по тропинке
В снеговую кугу
Уезжают тувинки
На оленях в тайгу.

* * *

Лодчонку вздыбил пережат
И держит на весу.
Бушует горная река
Красавица Мрассу.
Её объятья холодны,
Но только все равно
На берег вырваться из них
Не каждому дано.
Река тебя заморозит,
В водоворотах заморозит
И тёмной силою волны
Шутя швырнет на валуны.
И своенравна и дика
Мрассу, таежная река.
А мы с рекой давно на «ты».
Уже не раз, не два
Водили мы по ней плоты —
Лишь кругом голова.
Мы стали гордыми людьми —
Понять несложно нас:
Ведь нам такая, черт возьми,
Красавица верна.

* * *

На кийских плёсах тишь и гладь,
Стоит надежная погода,
Как будто некому взломать
Уравновешенную воду.

Иду вдоль речки не спеша,
Иду и думаю: а может,
Вот так спокойна и душа,
Пока ее не растревожат.

И среди этой тишины,
Как на минутном перекуре,
И речка и душа полны
Неясным ожиданьем бури.

БЕРЕГА

Речки синяя дуга —
Плёсы с перекатами.
Держат речку берега
Крутые и покатые.
Держат речку, а она,
Речка полноводная,
То обманчиво смирна,
То дика до одури.
Не унять никак ее
Перепады-выпады.
Ох, нелегкое житьё
Берегам подвыпало.
Топит речка на корню
Травы переливами,
Точит скальную броню,
Как жена сварливая.
Видно, богом ей дано
Делать то, что нравится.
Где же все-таки оно,
В этом мире равенство?..
Я веду об этом речь
Понапрасну, кажется.
Берегам реку беречь,
А реке — куражиться.

* * *

Ходит мишка косолапый
По песочку речки Шнеры.
У него нога, как лапоть
Сорок пятого размера.
Ходит он не бестолково,
А скажу вам, право слово, —
Не видали вы такого
Удалого рыболова.
Вот он, голову набычив,
В воду рухнул, словно камень,
Толстобрюхую чавычу
Цапнул острыми когтями.
Он похож на браконьера —
Озорник и бедолага.
Расплескать готов он Шнеру
Ради собственного блага.
Вот он стал косматой глыбой
На песочке буйной Шнеры,
Изловив десяток рыбин,
Измотав медвежьи нервы.
И совсем по-человечьи,
К животу прижав чавычу,
Торопясь, пошел от речки
Прятать в лес свою добычу.

* * *

Мой товарищ Генка Толман
По тайге идет легко.
За плечом его двустволка,
Взгляд нацелен далеко.
Он — потомственный охотник.
Лес ему — отец и мать.
И охоту как работу
Он привык воспринимать.
Помню, Генкины соседи
Говорили мне вчера,
Что смотрел в глаза медведю
Мой товарищ много раз.
Что зимой он сдал артели
Сорок шкурок соболей,
Получив за это дело
Больше тысячи рублей...
Вьется узкая дорожка
То к реке, то на увал.
Майским снегом запорошены
На сопке дерева.
Только солнышко над сопкой
По-весеннему светло
И в деревьях бродят соки,
Разогретые теплом.

Вдалеке вулканы курят
Струйки дыма в небеса.
И на солнце Генка щурит
Свои узкие глаза.
Он зазря не потревожит
В день весенний тишину.
Вот достал он острый ножик,
Срезал веточку одну.
Из нее свистульку сладил,
Лад опробовал сперва,
И с лукавинкой во взгляде
Начал птицам подпевать.
Он поет, и мне понятно,
Отчего и почему
Открывает медвежатник
Душу миру своему.
Знать, весна всему виною.
В честь и здравицу ее
Отдыхает за спиною
Гладкоствольное ружье.
И над песней глухаринной
Злая пуля не вольна.
Над камчатскою долиной
Власть уже взяла весна.
И поэтому сегодня
Под веселый щебет птах
По тайге идет охотник
Со свистулькою в руках.

* * *

Зимний кижуч идет
Подо льдом напролом,
Поднимаясь к истокам реки.
До красна разогреты
Текучим теплом
У могучих самцов плавники.
Катит быстрые воды
Камчатка-река,
Темнотою глубинной лососей укрыв.
А у самок тучнеют
Крутые бока
Золотистым наливом икры.
К нерестовым местам
Зимний кижуч идет
Сквозь кордоны подводных сетей.
Это голос инстинкта
Лососей зовет
Умирать ради жизни детей.
Будет праздник любви,
Жгущий силы дотла.
Будут свадьбы и вымет икры.
И примерзнут ко дну,
Как подлодки, тела
После этой смертельной игры.

Лед взломает весна,
И река понесет
В колыбель океана мальков косяки.
А пока — напролом
Зимний кижуч идет,
Поднимаясь к истокам реки.

* * *

Перепадами смеха,
Обивая росу,
Гулко ухаает эхо,
Заблудившись в лесу.

Здесь, в таежном предгорье,
На суровой земле,
Может, чьё-нибудь горе
Насмешило весь лес.

* * *

Пахнут травы медуницей,
Переспелую жарой.
Ручеек едва струится
Под замшелую горой.
А у елки на макушке,
На пружинистом суку
Одинокая кукушка
Завела своё «ку-ку».
 Попрошу ее ответить,
На судьбу поворожить —
Сколько мне на белом свете
Суждено еще прожить.
Пусть кукушка-ведуница
Продолжает долгий счет.
Я поверю вещей птице,
Царской щедрости ее.
От следов трава примята.
На полуденной земле
От восхода до заката
Расстоянье сотни лет.

МЕДВЕЖИЙ РОДНИК

Прибрежной сторожкой тропою,
Слегка замедляя шаги,
Под вечер пришел к водопою
Косматый хозяин тайги.
Башку тяжело опрокинув
С потяжливym всхрипом в груди,
Нагорбив мосластую спину,
Он медленно влагу цедил.
Вздymались и вновь опускались.
Худые медвежьи бока,
Кроваво глаза отражались
В закатной воде родника.
Еще в них дымилась погоня
И лося оттаявший бок,
И злой, безрассудный с разгона
Чуть-чуть запоздалый прыжок.
Гляжу, как в лесное затишье,
Уже не опасный теперь,
Студеного зелья испивший,
Уходит стареющий зверь...

Я в этом краю заповедном
Не раз, выбиваясь из сил,

Под вечер, подобно медведю,
На этот родник выходил.
И пил запалённо, зверино,
До хрипа, до стона в груди,
И думал счастливо и длинно,
Что вся еще жизнь впереди.

МНЕ СНИТСЯ НЕБО

ФРАГМЕНТЫ
ПОЭМЫ



*Звездным братьям
посвящается*

1

Я к этой теме подходил с тревогой
И долго путь нащупывал, пока
Взволнованно, решительно и строго
Легла в поэму первая строка.
Она звала к заоблачным высотам
Меня, замороженного мечтой,
С ней рифмовался след от самолета —
Тропинка между небом и землей.

А вечером тропинки той начало
Я отыскал среди молодых берез.
И надо мной Вселенная качала
Свой синий купол с капельками звезд.
Невдалеке ручей чуть слышно тенькал,
Случайный ветер засыпал в листве,
И темнота сгущалась помаленьку
Под легким сводом золотых ветвей.
Тропинка расширяла понемногу
Закатом обожженные края
И превращалась в торную дорогу,
Которой шла фантазия моя.
Уже запахло ночью настоящей.
Я грустно понял это. И тогда
Вдруг надо мной тревожно и маняще
Обрисовалась новая звезда.
Во всем своем непостижимом блеске
Она взошла в просторной синеве,
Ее лучей алмазные подвески
Струили мне свой первозданный свет.
Свет этот гладил мне лицо и плечи,
Он в мою душу ласково проник.
И словно я услышал чьи-то речи
Из глубины Вселенной в этот миг.
Я вслушивался трепетно и немо
В далекий мир, звенящий надо мной.
И был похож призыв ночного неба
На женский голос, близкий и земной.
Вселенная со мной заговорила!
Я чувствовал как будто в полусне:
Загадочные тихие светила
Задумчиво приблизились ко мне.
Я шел домой, открытjem потрясенный,
А надо мною долгие года

Катилась, будто яблоко Ньютона,
В мои ладони дальняя звезда.

.....
И с той поры мне стало небо

сниться...

Глаза закрою, погружась во тьму,
И звезды, как серебряные птицы,
Слетятся к изголовью моему.
Пока рассвет завесу не поднимет,
На отведенном снами островке,
Всю ночь я разговариваю с ними
На птичьем марсианском языке.
С печальной и пристальной силой
Я им в глаза холодные гляжу
Но той звезды, что в роще мне светила
Я среди этих звезд не нахожу.

2

Кто первый на земле придумал чудо
И удивленье — следствие его?
Где тот волшебник?
Кто он?
И откуда
Его проистекает волшебство?
Он — человек!
Я в это свято верю.
Он есть один, кто сделать это мог.
Им в мир чудес распахнутые двери
Меня зовут ступить через порог.

.....
Я представляю
Самый древний век...
В косматой шкуре,

Брошенной на плечи,
Впервые в небо
Смотрит человек
С великим любопытством
Человечьим.
Над ним —
Звезда
Величиной с кулак
В необъяснимом трепетном
Свеченье
И диск луны,
Нагретый добела,
Плывет в ночи,
Как лодка по теченью.
Под ним —
Свирепой желтизны песок.
У ног —
Реки горбатая стремнина...
И — режет узкий лоб
Наискосок
Тугих раздумий
Первая морщина.
А звезды пляшут,
Ужас наводя.
Одни и те же —
В буйном пенном гребне,
В зрачках кровавых
Дикого вождя
И в недоступном
Первобытном небе.
И руки тянет к звездам
Человек,
И сердце у него в груди —
Гудит...

По древней
Циклопической траве
Впервые хлещут
Звездные дожди.

3

Кто напичгал нас
Этой жаждой неба
И устремленьем
К таинствам звезды...
Так человек голодный
Жаждет хлеба,
Так опаленный зноем
Ждет воды.

Небо очами пустыми
Глядит на меня.
Небо — это пустыня,
Ночь без огня.
Зачем же ты, небо,
Зовешь меня?..
Вопрос пресекая
В ледяной мгле
Медленно тает
Реактивный след.
В черной пустыне
Скользит звезда.
На тонкой паутине
Счастье и беда.
Ужели все едино
В неоглядной тьме?
На тонкой паутине
Жизнь и смерть.

4

Когда облетает пожухлый лист
 И даль бесконечно ясна,
 Четко означены кромка земли
 И к ней припаянная голубизна.
 И кажется, стоит пройти вперед
 Несколько верст всего,
 И небосвод тебя обоймет,
 Едва достигнешь его,
 Ласковой синью заворочит.
 И сразу подумаешь ты:
 Теперь обрели и плоть и жизнь
 Мальчишеские мечты,
 И ты дошел до края земли.
 Но вывод твой тороплив:
 Если у неба есть прилив,
 То есть у него и отлив.

5

О, небо!
 Дай коснуться мне
 Тебя горячими губами...

.
 Мальчишкой выпущенный камень
 Вдруг обернется в вышине
 Голубкой с быстрыми крылами
 И с грудкой белою, как снег.
 Ах, как легко она парит
 В твоей безоблачной стихии.
 Какой волшебник подарит
 Мне крылья легкие такие,
 Чтоб только взмах:

И подо мной —
Полей полоска золотая
И крик гортанный «Улета-а-ю»
Прощально тает над землей.
Чтоб, налетавшись, на заре
Домой счастливо возвратиться...
Чем старше мир наш, тем острее
У человека зависть к птицам.

.....
Он тоже завидовал птицам.
И многим мальчишкам под стать
Он тоже хотел научиться
Большому искусству летать.
Я знаю, он был мой ровесник —
Рождения тридцатых годов.
У нас были общими песни
И общей к отчизне любовь.
Он тоже ходил в пионерах
Под маршевый трубный разлив,
Не зная, что быть ему первым
Космическим сыном земли.
Все было. Учеба, работа
И — первый прыжок в облака,
Высокое чувство полета,
Штурвал самолета в руках.
Стальная послушная птица...
И — в небо распахнута дверь!
Казалось, ему возгордиться
По праву бы нужно теперь.
Казалось, спокойным быть можно,
Достигнув высот...
Но тогда
Зовуще и как-то тревожно
Ему улыбнулась звезда.

Звезда, о которой мальчишкой
Я грезил не раз и не два.
...Возможно, что он не расслышал
Ее роковые слова:
«Да, ты взлетел за облака —
Не спорю.
Но я, как прежде далека.
Я — горе.
Я горе тех, кто в этот час
В меня влюбились.
Я только тусклая свеча
На их могиле».
А он был отчаянно русым
И верил в удачу свою.
Понятя нелепого «Трусость» —
Не ведал в жестоком бою.
А бой был и вправду жестоким,
Когда, тяготенье презрев,
Могучее тело «Востока»
Рванулось навстречу звезде.

.....
Уж так повелось в нашей судьбе —
Смерти смотреть в лицо,
Когда над тобой
Несчастий и бед
Сомкнется злое кольцо.
Когда ни свернуть,
Ни повернуть,
Любой вопреки беде,
Когда единственный
Выбран путь —
Только вперед,
К звезде!

* * *

Небо — горькое море,
Арена боренья сил,
В черном твоём просторе
Пока немного могил.
Но ты щедро на посулы,
Все у тебя — впереди.
Пилота жесткие скулы
Ветер твой холодит.
Встанет у изголовья
Звезда или крест —
Платить мы привыкли кровью
В большой и малой игре.
Небо — это пустыня,
Ночь без огня...
Зачем же ты, небо,
Зовешь меня?

.....

Хороший, улыбчивый парень,
Погибший в трагический час,
Бессмертным и юным Икаром
Останется в сердце у нас.
Ребята других поколений,
Берущие в космос разгон,
На этой дороге ступени,
Запомните,
Вырубил — он!
Запомните...
Тихо и грустно
Роняют листву тополя,
И плачет о мальчишке русом,
Как матери плачут, земля.

Любимая,
 Если у нас родится сын,
 Давай назовем его Юрий.
 Не потому, что модное это имя,
 Вовсе не потому.
 Просто мне хочется верить:
 Пройдет по звездным дорогам
 Наш мальчик русоволосый,
 И гордое имя Юрий
 Будет кстати ему.
 Статный, широкоплечий,
 Уверенный и веселый,
 Пройдет он по нашей Вселенной
 Вот так, как сейчас по лужайке
 Наш первый идет малыш.
 Тебе он несет в подарок
 Цветок, на звезду похожий,
 А Юрка — подарит звезды,
 Похожие на цветы,
 И скажет:
 — Возьми на память.
 Пусть будет разлука солнечной,
 Пока я брожу по свету...
 Потом — порог переступит,
 Уйдет голубою дорогой
 За новым звездным букетом...
 Любимая, если родится сын,
 Давай назовем его Юрий.

 Мне снится небо...
 А сквозь эти сны
 Ракеты погромыхивают басом.

Опять России верные сыны
Выходят на космические трассы.
Все так, как надо.
Жизнь идет вперед.
Я связь с грядущим днем
Сейчас включаю:
Внимание...
Готовность...
Взлет!
На этот раз к моей звезде —
Я это точно знаю.

РУКО. ПОЖАТМЕ

ПЕРЕВОДЫ



С венгерского

Миклош Вег

САДОВОД

Лопату отточил брусок
Острее, чем огонь.
Легла на гладкий черенок
Уверенно ладонь.
Под корень вывернут сорняк
И у седой межи,
Не распыливши семена,
Поверженный лежит.

Пройдет пора — за рядом ряд
На вскопанной гряде
На бледных крылышках шпинат
Потянется к звезде.
Крыжовник почки распушит
В погожие деньки:
Недаром начисто крушит
Лопата сорняки.
А в нарастающем тепле,
Забыв о снах зимы,
Уже оттаял на земле
Весь ползающий мир.
И черви, потные на вид,
Полезли из комков.
А на меже тропу торит
Ватага муравьев.
И вот лопату положил,
Окончив день забот,
И с хрустом спину распрямил
Усталый садовод.
И стала щедрой потому
К нему земля отцов.
И солнце вымыло ему
Крестьянское лицо.

О ТЕБЕ

Белизной моя сорочка светит —

Это ты.

Красный ободок на сигарете —

Это ты.

Жаркое дыханье нежных губ —

Это ты.

Легкий след на тающем снегу —

Это ты.

И на лбу моем морщины —

Это ты.

Плен до самой до кончины —

Это ты.

ИЛЬИЧ

Лоб его не глыба мрамора,
А просто лоб человека.
Глаза его не похожи на море —
Они по-человечески обыкновенны.
Рука его не мост,
Перекинутый над миром,
А всего лишь только рука.
Над головой у него
Не сияет нимб —
Рабочая поношенная кепка
Чуть надвинута на высокий лоб.
Он — человек,
И рядом с ним
Шагает по Земле революция.
И вместе они —
ВЕЛИКИ.

ЭТАПЫ

Когда Христос взошел на гору,
То язвы были на его ногах.
Ему хоралы незнакомы были,
Не ведал он, что подают к обедне
Греховное, пьянящее вино.
Не видел он кровавого меча,
Который освящен крестом церковным,
Костров горящих он еще не видел,
И газовые камеры ему еще не снились.
Тогда не ведал он тевтона имя
И не знал напалма.
Кровавый отсвет Хиросимы
Еще не полыхал в его глазах.
И вот, когда пробил раздумий час,
Он сжѐг лицо свое.
И больше
На землю не сходил с горы Христос.

ВЕСНА

Все в рост пошло.
Зеленые туманы вихрастых роц
Клубятся на земле.
А на холме муравыми ступнями
Веселый танец пробужденья жизни
Неслышно пляшет девушка Весна.
И вся земля на женщину похожа.
Она светла от теплой ласки солнца
И от любви пьяна.

Но вот приходит вечер.
Усталый пахарь распрягает лошадь
И старую двурогую соху
Бросает спать в глубокой борозде.
А сам идет неспешным шагом к дому
И смотрит, как стекает
Заката медный цвет
С его окошек.

Вот он подходит к дому.
Но перед тем, как на крыльцо взойти,
Свернет хозяин к ветхому сараю,

Где сеялки, упряжки для соломы
И бороны зубастые стоят.
Окинет все он деловитым взглядом,
Телегу на ночь под навес закатит
И спать пойдет:
Ему вставать с зарёю.

С немецкого

Герберт Генке

ДЕРЕВО НА ПЕСКЕ

На самой отмели, у берега,
В наплывах желтого песка
С акульными боками дерево
Лежать оставила река.
Вода играла где-то около.
И только ветреной порой
Его волна ладошкой шлепала,
Звала на волю за собой.
Туда, где бесноватый паводок
Несет тяжелые плоты,
Туда, где брызги солнца падают
На плотогон с высоты.
И в этот миг казалось дереву,
Что час спасения настал
И все, что было им потеряно,
Оно сумеет наверстать.
Но вот над водами и дебрями
Стихал бродяжий ветерок, —
И снова засыпало дерево,
Врастая намертво в песок.

РАССВЕТ В ЛЕСУ

Когда я иду по тропинке лесной,
Я слышу: деревья шумят надо мной.
Их тайный и тихий, как шепот, язык
Ребенком еще понимать я привык.
Мне лес доверяет. И каждый мой шаг
Его пробужденная слышит душа.
Вот хрустнул сучок у меня под ногой —
И рябчики к солнцу взлетают дугой.
Рябина зарделась в тревожной красе,
Дрожат жемчуга у березки в косе.
И клены, в долину сбежавшие с гор,
Со мною веселый ведут разговор.
Болтушки-осины, увидев меня,
Расскажут все тайны, листвою звеня.
Красавица пихта вздохнет в полусне
И трепетно ветви протянет ко мне.
Иду я тропинкой в зеленом лесу
И песни деревьев с собою несусь,
Чтоб после на чистом тетрадном листке
Их все записать на лесном языке.

АПРЕЛЬ

Поле с пегим конем
Схоже стало.
Чуть белеет оно
Снегом талым.
Чуть желтеет оно
На припеке.
Пахнет поле весной
Недалекой.
Звонко пляшет капель
И упруго.
И гуляет апрель
По округе.
Как жених в старину,
Он гуляет.
И в невесты весну
Выбирает.
А она, а она,
Молодая,
Сердцем маю верна.
Только маю.

Степан Торбоков

АВГУСТ

Если молния сверкает —
Лето будет урожайным.
Шорцы август называют
Месяц молний — Чатын Айы.

Если солнышко сияет,
А в душе веселье мая —
По земле моей ступает
Месяц молний — Чатын Айы.

Если ночью изголовью
Ты доверил сердца тайны —
Наградил тебя любовью
Месяц молний — Чатын Айы.

Если песню твою ветром
Унесло в простор бескрайний —
Значит, ты рожден поэтом
Месяц молний — Чатын Айы.

ДОБЫЧА ОРЕХА

Ни свет ни заря —
По орехи
Нам, шишкарям,
Надо ехать.
Сажусь на коня
У ограды.
А конёк у меня —
Что надо.
Еду. Молчу
Под ветками
К моему кедрачу
Заветному.
Пусты пока
Торока на боках...
Миновал лога,
Дуроломину.
Здорово, тайга
Кедровая!
Расседлаю коня —
Пусть гуляет.
Посижу у огня,
Помечтаю.
Отдохну чуток
И за дело —
Взлечу на сучок,

Будто белка.
Шишки падают вниз
Вроде града.
За старанье они
Мне награда.
Раскушу орех
На две половинки.
В самой зрелой поре
Сердцевинка.
Надо мной ветер выл.
Ну и ладно.
Я бы больше набил —
Да не жадный.
Полны торока
У коня на боках.
Сам погас костер,
Аль задуло.
Прохладою с гор
Потянуло.
То трусцой, то шажком
Еду с песней.
Ох, как быть шишкарём
Интересно!

ГОВОР КАЙ-КОМУСА

Выпью чарку вина —
Голова хмельна.
Возьму кай-комус —
Веселье в дому.
Эх, эй-е.

Заходи, человече, —
Праздник у нас.
Хариусы в речке
Пускаются в пляс.
Эх, эй-е.

Из тайги охотник
С добычей пришел.
От еды сегодня
Ломится стол.
Эх, эй-е.

Гости разодеты
Сидят за столом.
Эй, хозяин, где ты?
Давай споем.
Эх, эй-е.

Скажу без утайки,
Хотя и грешно:
Молода хозяйка —
Сладко вино.
Эх, эй-е.

Играй, кай-комус,
Подпевай песне.
Кто не пьет, тому —
За столом тесно.
Эх, эй-е.

Кай-комус, играй.
На душе легко.
Слава богу, до утра.
Ой, далеко.
Эх, эй-е.

ГОЛОС ГОР

На своем наречье старом
Каждый день с утра
Разговор ведет с Мустагом
Огудун-гора.

Молча слушают деревья
Тихий разговор.
Скреплена поверьем древним
Дружба этих гор.

— Мы с тобой родные братья, —
Говорит Мустаг.
Реки нас берут в объятья —
Их вода чиста.
Так чиста и дружба наша.
От великих дум
Сединой Мустаг украшен,
Как и Огудун.

— Сто ветров над нами пели,
Ухала гроза.

Мы от горя поседели,—
Огудун сказал.
От людской слезы горючей
Дивной красоты
На скалистых наших кручах
Выросли цветы.

Знаю, вспоминают горы
Давние года.
Потому не стану спорить
С ними никогда.
Я стою на горном склоне,
Сын счастливых дней.
Светит солнце над зеленой
Шорией моей.

СОДЕРЖАНИЕ

УТРЕННИЕ ПОЛЯНЫ

Земляника	3
«На поляне, руки вразброс...»	5
Галчонок	6
«Тучи свет заполонили...»	8
«Там, где ели и сосны шумели...»	9
Дикая яблоня	10
Онега	11
«Голубые ставенки...»	13
Второе свиданье	15
«Рассвет за окнами в полнеба...»	17
«Я тогда объезжал лошадей...»	19
«Состарюсь, но не повзрослею...»	20

ВОЗВРАЩАЮСЬ К ТЕБЕ

Перед дорогой	21
«То ли торная дорога...»	22
«По яру, по самому краю...»	23
Седьмой перевал	24
«Выпрашивая, вымаливая...»	26
«Я в главном тебе не солгу никогда...»	28
«Ты покличь — я отвечу...»	29
Северная песня	30
На разъезде	31
Рябина	33
«Я по тоненькому льду...»	34
Девушка под дождем	35
«Нет, нет! Я тебя не обижу...»	36
«Есть в наших отношениях черта...»	37
«Я хотел бы учиться любви у слепых...»	38

ПОСТУЧИСЬ В МОЕ СЕРДЦЕ, ТРЕВОГА!

Бетховен	39
Гончарный круг	40
«Мне совсем немного надо...»	41
«Добро и зло смешаю, выпью...»	42
Шариковое перо	43
Голуби	44
«Да, час пробьет. Придут сомненья...»	45
«Ах, какие нынче скорости!...»	46
«Я не из самых молчаливых...»	47
«В березовой прозрачной роще...»	48
«О, провинция, крошечная таежная земля...»	49
«Мне больно бывает и грустно...»	50
«Стихи. Они—как облака..»	51
«По-детски радуюсь обновлениям...»	52
«На судьбу не жалуясь...»	53

ЗЕЛЕНОЕ ЭХО

«Утром было холодно...»	54
Тайга	56
Жара	57
«В пригоршни воды студеной...»	58
«В глаза природы погляжу...»	59
Ночь на Бельсу	60
Яя	61
Ратная тропа	63
Горючий камень	65
«По лукавой тропинке...»	67
«Лодчонку вздыбил пережат...»	69
«На кийских плесах тишь да гладь...»	70
Берега	71
«Ходит мишка косолапый...»	72
«Мой товарищ Генка Толман...»	73
«Зимний кижуч идет»	75
«Перепадами смеха...»	77
«Пахнут травы медуницей...»	78
Медвежий родник	79

МНЕ СНИТСЯ НЕБО. Фрагменты по- эмы	81
---	----

РУКОПОЖАТИЕ. Переводы

С венгерского

Миклош Вег

Садовод	92
-------------------	----

Иштван Полгар

О тебе	94
------------------	----

Ференц Хани

Ильич	95
-----------------	----

Этапы	96
-----------------	----

Карой Сабо

Весна	97
-----------------	----

С немецкого

Герберт Генке

Дерево на песке	99
---------------------------	----

Рассвет в лесу	100
--------------------------	-----

Апрель	101
------------------	-----

С шорского

Степан Торбоков

Август	102
------------------	-----

Добыча ореха	103
------------------------	-----

Говор кай-комуса	105
----------------------------	-----

Голос гор	107
---------------------	-----

**Валентин Васильевич
Махалов**

ДИКАЯ ЯБЛОНЯ

Стихи

Оформление *Г. А. Ефремова*

Редактор *Л. В. Глебова*

Художественный редактор

Г. И. Кравцов

Технический редактор

Г. В. Адова

Корректор *Т. Е. Трусова*

Сдано в набор 2.XI.1972 г. Подписано
к печати 29.I.1973 г. Формат
70×108¹/₃₂ Бумага типографская № 2.
Усл. п. л. 4,9 Уч-изд. л. 3,51 Тираж
10 000. ОП00368. Заказ № 10320.
Цена 38 коп.

Кемеровское книжное издательство
Кемерово, Ноградская, 5.

Полиграфическое объединение
«Томь»
Кемерово, Ноградская, 5

На судьбу не жалуюсь,
Бога не виню,
Голову усталую
На траву клоню.

Пусть бывали разные:
Жил - не унывал
К праздникам опаздывал,
К гою успевал.

Вытестован, вонянген
Росной землёй,
Все болезни вылезли
Клюгевой водой.

Я расту, как деревце
На крутом ветру.
И совсем не верится
В то, что я умру.

Валентин
Махапов